

Проблемы отечественной истории

А. В. СИБЕР

**К ВОПРОСУ О РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ
НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ АРХЕОЛОГИИ**

На основании данных археологии исследуются условия этнической и культурной интеграции адыгов раннего средневековья.

Ключевые слова: археология, зихи, касоги, адыги, этническая история, Закубанье, Черноморское побережье.

Раннее средневековье (VI–X вв.) справедливо считается периодом формирования адыгского суперэтнуса. К таким выводам приводят данные письменных и фольклорных источников, и автором уже обращено внимание на это. Процесс адыгской интеграции занял практически всю вторую половину I тысячелетия и выразился в появлении единого самоназвания адыгэ и распространении на население огромной территории относительно локальных экзоэтнонимов зихи и касоги, а также производного от последнего – черкесы.

Наиболее авторитетным источником об этногеографической ситуации Закубанья на рубеже I–II тыс. н. э. считается свидетельство Константина Багрянородного. «За Таматархой, в 18 или 20 милях, есть река по названию Укрух [Кубань? – А. С.], разделяющая Зихию и Таматарху, а от Укруха до реки Никопсис, на которой находится крепость, одноименная реке, простирается страна Зихия. Ее протяженность 300 миль. Выше Зихии лежит страна, именуемая Папагия, выше страны Папагии – страна по названию Касахия, выше Касахии находятся Кавказские горы, а выше этих гор – страна Алания» [1].

Данные письменных источников, как правило, сопровождаются, иногда уточняются, а то и опровергаются данными археологии. В этой связи обращает на себя внимание смена археологической ситуации как раз в раннем средневековье, а именно – в период господства хазарского каганата (VIII–X вв.) и последующую эпоху до монголо-татарского нашествия (X–XIII вв.). Прежде всего имеется в виду изменение погребального обряда – одного из основных поставщиков археологического материала. Именно с VIII в. возрастает количество погребений, использующих метод кремации (трупосожжения). Более того, меняется суть обряда: используется урна для праха, тело сжигают в одном месте, а горшок-урну с обугленными костями закапывают в другом, часто практикуется ритуальная порча погребального инвентаря – эти и другие детали отличают кремации VIII–XIII вв. от кремаций III–VII вв. [2]. При этом погребения методом ингумации (труположения) не только сосуществуют с кремационными в пределах одного археологического периода, но и непосредственно соседствуют в биритуальных могильниках.

Эта особенность требовала интерпретации. Считается, что культурные сходства и различия одного хронологического пласта в максимальном количестве случаев служат маркерами этнокультурных общностей. Массовое явление на территории какой-либо культуры нехарактерных ей находок и памятников связывается со столь же массовым проникновением инокультурного, а следовательно, иноэтнического элемента.

Е. П. Алексеева в свое время обратила внимание на сходство обряда (как по ритуалу, так и частично по инвентарю) с аналогичным на территории Абхазии – Цебельдинской культуры античного времени: «Может быть, обряд трупосожжения воспринят адыгами от предков абхазов» [3]. Версия об общем происхождении абхазов и абазин привела к выводу, что люди обряда кремаций VIII–X вв. – предки современных абазин, заселявшие в эту эпоху Закубанье. Кубанские археологи возражают: хронологические границы закубанских и «цебельдинских» кремаций не совпадают, а параллели в инвентаре погребений могут быть следствием контактов и обмена [4]. Впрочем, таким же продуктом обмена, в данном случае – культурного, мог быть и погребальный ритуал кремации. В любом случае, «абазинская» версия не беспорна.

В. А. Тарабанов и А. В. Пьянков заметили, что кубано-черноморские кремационные погребения по основным чертам сближаются с аналогичными погребениями Среднего Подонья (в частности, бассейна Северского Донца) времен салтово-маяцкой культуры [5]. Культура эта существовала на протяжении VIII–IX века в Волго-Донском междуречье и большинством ученых определяется как культура Хазарского каганата [6]. Анализируя «кубано-черноморскую» и «донецкую группу кремаций», археологи нашли практически полное совпадение в деталях обряда (сожжение вне места захоронения, керамические урны, ритуальная порча погребального инвентаря, принесение умершему «даров» и поминальные «гайнички» в составе могильных комплексов) и сопровождающих погребение предметов (особых типов наконечники копий и «очажные принадлежности», складные серпы как погребальный инвентарь, коньковые подвески и др.) [7]. Все это, делается

вывод, включает обе группы кремаций в сферу салтово-маяцкой культуры.

Вывод важен в смысле констатации активного проникновения волго-донских элементов на территорию будущей Страны адыгов, что помимо письменных свидетельств определенно включает ее в сферу хазарского влияния (как минимум культурного). Единовременное по историческим меркам явление «салтово-маяцких» характеристик в культуре населения Закубанья указывает на внедрение в это население достаточно крупной группы людей степной кочевой культуры.

Выясняя, что бы это мог быть за народ из известных по источникам, краснодарский археолог А. В. Пьянков приходит к выводу, поддержанному большинством кубанских археологов: если исключить (по уже указанным причинам) абазин, а также зихов, хоронивших покойников методом ингумации (во всяком случае, именно причерноморские ингумационные погребения данной эпохи вслед за Н. В. Анфимовым [8] относят к зихским), остаются касоги [9]. Родство их культуры с культурой кочевников Подонья, происходящих в свою очередь из Южного Приуралья, навело исследователя на мысль, что касоги – переселенные хазарами на окраины Каганата тюркоязычные кочевники, к XIII в. ассимилированные зихами, консолидация с которыми происходила на фоне общего противостояния аланам [10].

Но и эта версия уязвима. Если люди кремационного обряда – это касоги, то соответствующие памятники должны быть сконцентрированы в пределах Константиновой «Касахии», т. е. в «материковой» части Закубанья. Однако именно этого-то и не наблюдается. Напротив, наибольшая плотность «касожских» кремаций фиксируется именно на территории «Зихии» и «Папагии». Так, П. С. Успенский, рассмотрев географию 43 могильных комплексов, известных на 2012 год, свел их в четыре территориальные группы, в пределах которых расстояния между памятниками не превышают 30 км (день конного пути) [11].

При сравнении этих данных с известиями Константина Багрянородного получается, что Стране касогов соответствуют 7 памятников группы III, Папагии, не включенной в состав Зихии – группа IV (3 объекта), возникшая в поздний период (X–XIII вв.); общей территории Зихии и Папагии – группа II (13 памятников); итого 23 объекта в трех группах. Собственно Зихии соответствуют 26 памятников группы I и «тяготеющие» к ней могильники Чайка и Бжид. П. С. Успенский пришел к выводу, что именно группа I (т. е., как мы выяснили, Зихия), исходя из плотности памятников, являлась своеобразным центром обряда [12]. Не может не обратить на себя внимание и то, что «Характерной чертой биритуальных могильников является единство материальной культуры при различии в обряде» [13]. Т. е. люди жили вместе, одним бытом, а покойников своих хоронили по-разному.

Признаки проникновения в Закубанье кочевников, впоследствии оседавших на землю, видел в археологической ситуации рассматриваемого периода и А. В. Гадло; а именно: в распространении в Восточном Предкавказье зливкинского варианта салтово-маяцкой культуры, а в Западном – возникновение крупных полиэтничных поселений, в частности, Таматархи (Тмутаракани) [14]. Как и практически все остальные. А. В. Гадло связывал это с хазарской территориальной и культурной экспансией. Следует, однако, иметь в виду что и материальная, и духовная составляющая «салтово-маяцких» культурной периферии на Кавказе может быть результатом не только и даже не столько этнодемографических процессов, но и культурных инноваций. Считается, что салтово-маяцкая культура изначально зародилась в недрах культур кочевых алан и булгар [15], а в последствие стала общей культурой (со всеми ее вариантами) для племен и народов, так или иначе вовлеченных в орбиту Хазарского каганата. Степная культура для значительной части населения предгорий должна была восприниматься как более статусная, ведь это культура могущественной и воинственной соседней державы (независимо от текущего состояния взаимоотношений с хазарами).

Описание типологически аналогичного процесса, хоть и применительно к другим историческим условиям, содержит сообщение 1864 года, процитированное Б. Х. Бгажноковым: «Близость соседства кабардинского народа и непосредственное его преобладание над другими были причиной того, что все закубанские ногайцы сходны в образе жизни с кабардинцами, коих нравы и обычаи служат предметом подражания для закубанских ногайцев» [16]. Кабардинцы были для соседних народов носителями княжеской власти, культуры адыгагъэ и закона «Адыгэ хабзэ», т. е. народом более высокой, достойной восприятия культуры. Как и в этом случае, восприятие «степных» инноваций должна была возглавить местная знать, у которой уже «учились» все остальные.

Впрочем, влияние кочевого степного элемента на население Закубанья не стоит вовсе отрицать, равно как и преувеличивать. Ведь, с одной стороны, Материалы антропологии современной Адыгеи и Черкесии не обнаруживают в составе современных адыгейцев и черкесов сколько-нибудь ощутимой монголоидной примеси», а с другой – «Антропологические данные позволяют утверждать, что этнические связи этого населения с миром кочевников южнорусских степей установились еще в домонгольское время» [17].

Не стоит забывать и о том, что рассматриваемое время – период распространения на Северо-Западном Кавказе христианства. Для христиан же в целом характерен как раз ингумационный метод погребения. Это объясняет, почему «Археологические данные для характеристики зихов времен Хазарского каганата практически отсутствуют» [17].

Ведь зихскими считаются именно ингумации, а христианский обряд практически не предполагает погребального инвентаря – в загробном мире душе христианина ничего земного не понадобится. Однако, учитывая, сколь сильно преломляются установки мировой религии у таких народов, как кавказские горцы, и сколь высока здесь степень религиозного синкретизма, можно предположить, что некоторые христиане продолжали класть в могилы своим покойникам «необходимые» вещи. Прежде всего, это украшения, детали конской сбруи, оружие, посуда – в зависимости от того, кто именно погребен.

Кремационные погребения как раз могли (в том числе) отличать язычников от христиан, похороненных методом ингумации. Отличие в обряде могло быть вызвано и происхождением, а также социальным статусом покойного. Например, в биритуальных могильниках «позднего» периода (X–XIII вв.) впускные в курганы ингумации, синхронные кремациям, как правило, детские [18]. «Создается впечатление, – полагает Ф. К. Джигунова, – что к детям в обществе было особое отношение. Это фиксируется в особенностях погребального обряда, количестве и составе сопроводительного инвентаря» [19].

Исходя из этого, вполне логично выглядела бы ситуация, когда люди особого статуса, может быть, имеющие какие-то родственные или иные связи с великими соседями, хоронились бы по «хазарскому» обряду. Донорами бытовых инноваций (как и самой идеи обряда) могли выступать как эти люди, так и кочевники, проникавшие в Закубанье и там оседавшие на землю. Таким образом, и кремационные, и ингумационные погребения могли принадлежать как касогам, так и зихам, что не противоречит их распространенности по обе стороны условной границы.

Итак, какие же получаются выводы? Хазарский царь Иосиф, живший в X веке, был прав, когда относил «стану Каса», т. е. Страну касогов, к сфере влияния Хазарского каганата [20]. Что касается страны (или народа) Зуних, упомянутого Иосифом в той же связи, то Н. К. Коковцев возражает против общепринятой трактовки его как народа зихов – главным образом, вследствие нарушения в этом случае географической последовательности списка данников Каганата, и видит в нем кумыков, что с этой точки зрения правдоподобнее [21].

Получается, что в тексте царя Иосифа зихов либо вовсе нет, либо они «скрыты» в общем с касогами имени. Последняя версия более чем вероятна, т. к. укладывается в один ряд и с известием арабского путешественника X в. ал-Масуди, «расселившем» касогов-черкесов до Румского (Черного) моря [22], т. е. включившего в их ареал и территории зихов, и с сообщениями русских летописей XI в. о борьбе и союзничестве тмутараканских князей с соседями – касогами [23], хотя ими, по идее, должны были бы быть зихи, которые и

упомянуты на именной печати «Михаила, архонта Матархи (Тмутаракани. – А. С.), зихов и всех хазар» тех же времен [24].

Археология со своей стороны подтверждает наши догадки об основаниях данной «путаницы»: это – определенной степени унификация материальной и части духовной культуры на пространстве предгорий и гор от Черного моря до реки Лаба.

Однако процессы эти не были завершены, вернее, их продолжение состоялось на более низком уровне. Падение хазарского каганата убрало фактор общего противника, и уже у Масуди касоги-черкесы «не могут объединиться под властью одного царя» [25], а Константин Багрянородный отличает Касахию от Зихии и Папагии, и, вполне возможно, перед нами – не этнокультурные, а этнополитические термины.

Кстати, археологи выделяют этот период как особый – притом, что используются в основном уже существующие могильники, количество и плотность захоронений, в целом подобных некрополям предыдущего периода, увеличивается; к тому же обряд своеобразно «модернизируется»: кроме прочего, захоронения происходят под курганами. Изменение обряда могло быть связано (опять-таки, в том числе) с изменением внешней ситуации – исчезновение хазарского гегемона вывело на первый план вопрос об отношениях с крепнущей Аланией. Курганные погребения, как известно, для алан не характерны, зато характерны для домонгольского населения Закубанья и Северо-Западного Причерноморья, а также для непосредственно контактировавших с аланами кабардинцев, причем в этом случае – до самого конца средневековья (XIV–XV вв.) [26], и этнодифференцирующую как одну из функций этого обряда также не стоит исключать.

Наконец, к концу XIII века, т. е. с приходом монголо-татар, кремационные погребения в регионе исчезают. Очевидно, это также не случайно, и связано частично с гибелью большинства представителей того социального слоя аборигенов, что использовал кремации (т. е. воинственной «хазароподобной» профессиональной группы); а также с окончательной унификацией местной культуры – результатом очередного коренного потрясения.

Таким образом, анализ археологических данных может представить нам дополнительный материал для реконструкции этнических и иных процессов на раннесредневековом Северо-Западном Кавказе. Условия этнической и культурной интеграции адыгов раннего средневековья представляются следующими: 1) сопровождающее его культурное влияние кочевой степи; 2) влияние это не означало столь же сильной этнодемографической экспансии.

Литература

1. Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1991. С. 175.

2. Пьянков А. В. Касоги-касахи-кашаки письменных источников и археологические реалии Северо-Западного Кавказа // Материалы исследования по археологии Кубани. Вып. 1. Краснодар, 2001. С. 204.

3. Алексеева Е. П. Материальная культура черкесов в средние века (по данным археологии) // Карачаево-Черкесский НИИ. Вып. IV. Серия историческая. Ставрополь, 1964. С. 169.

4. Пьянков А. В. К вопросу об абазинском происхождении кремационных погребений III–XIII веков из Кубано-Черноморского региона // Международные отношения в бассейне Черного моря: Материалы X Международной научной конференции 29 мая – 3 июня 2001 г. Ростов н/Д., 2002. С. 129.

5. Пьянков А. В., Тарабанов В. А. Кремационные погребения Кубани и Подонья Салтовского времени: опыт сопоставления // Древности Юга России: памяти А. Г. Атавина. М., 2008. С. 275–295.

6. Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 62–63.

7. Пьянков А. В., Тарабанов В. А. Кремационные погребения Кубани ... С. 281–286.

8. Анфимов Н. В. Зихские памятники Черноморского побережья Кавказа. // Северный Кавказ в древности и средние века. М., 1980.

9. Пьянков А. В. Касоги... С. 204.

10. Пьянков А. В. Кубань в IV–XVII веках // История Кубани с древнейших времен до конца XX века: в 2 ч. Ч. I: С древнейших времен до 1917 года. Краснодар, 2011. С. 86–88.

11. Успенский П. С. Могильники с трупосожжениями VIII–XIII вв. на Северо-Западном Кавказе (территория и динамика распространения) // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа. Исследования и интерпретации. Материалы

XXII Крупновских чтений. 23–28 апреля 2012 г. Махачкала, 2012. С. 388–389.

12. Там же. С. 389.

13. Джигунова Ф. К. Социальная и половозрастная градация раннесредневековых погребений на территории Закубанья. // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1. Религиоведение, философия, история, социология, юриспруденция, политология. Вып. 1. Майкоп, 2007. С. 118.

14. Гадло А. В. Этническая история народов Северного Кавказа X–XII вв. СПб., 1994. С. 35–38.

15. Археология СССР... С. 64

16. Бгажноков Б. Х. О специфике и динамике военно-политического союза России и Кабарды (симмахия и асимметрия) // Исторический вестник. Вып. II. Нальчик, 2005. С. 57.

17. Алексеев В. П. Происхождение народов Кавказа. Краниологическое исследование. М., 1974. С. 22.

18. Археология. Крым ... С. 220.

19. Джигунова Ф. К. Социальная и половозрастная градация ... С. 120.

20. Коковцев П. К. Еврейско-хазарская переписка X в. Л., 1932. С. 101–102.

21. Там же. С. 104.

22. Мас’уди о Кавказе // Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента. М., 1963. С. 206.

23. Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Стб. 65, 146–147.

24. Гадло А. В. К истории Тмутараканского княжества во второй половине XI в. // Славяно-русские древности. Вып. 1. Историко-археологическое изучение Древней Руси: итоги и основные проблемы. Л., 1988.

25. Мас’уди о Кавказе ... С. 207.

26. Хотко С. Х. Цивилизация Кабарды. СПб., 2008. С. 208.

A.V. SIVER. TO THE QUESTION ABOUT EARLY-MEDIEVAL ETHNIC-HISTORY SITUATION IN NORTH-WEST CAUCASUS: BY THE ARCHEOLOGY'S POINT OF VIEW

Information of writing sources, as a rule, is accompanied, corrected, sometimes disproved by. By the ground of archeology facts conditions of ethnic and cultural integration of adygs in Early Middle Ages are process is studied.

Key words: archeology, Zichs, Kassogs, Adygs, ethnic history, Trans-Kuban region, Black-Sea coast.

Е. М. БАГАЕВА

ИСТОРИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА НА КУБАНИ (1861–1914 гг.): ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Автор рассматривает источниковую базу исследования «История предпринимательства на Кубани» (1861–1914 гг.), характеризуя основные виды письменных исторических источников.

Ключевые слова: исторический источник, торговое и промышленное законодательство, отчет, протокол, периодическая печать.

Изучение любой исторической проблемы начинается с поиска, разбора, интерпретации источников. Этот этап очень сложный и кропотливый, но именно он и определяет успех будущей научной работы.

«История предпринимательства на Кубани (1861–1914 гг.)» – тема актуальная и многогранная. Источниковая база данного исследования включает широкий комплекс письменных источников,